

А. В. ПОЗДНЕЕВ

Польский элемент в русских рукописных песенниках XVII в.

В 17 рукописных песенниках, датируемых 1676—1703 гг.,¹ содержится свыше двух тысяч песенных текстов. По нашему подсчету из них к XVII в. относится 1967 вариантов (остальные тексты дописывались в XVIII в.). В песенниках находится 380 книжных песен, в том числе 140 польских.² А в сборнике ГПБ, Погод. 1974 из 150 песен польских 130 (60 из них по другим песенникам неизвестны). Очевидно, что источники Погод. 1974 не характерны для остальных песенников. Трехголосные напевы книжных песен приведены по 5-линейной европейской системе. Удельный вес польских песен в рукописных песенниках 1680—1700 гг. все время снижается — с 17.5 до 3%.

В рукописных песенниках, принадлежащих перу Дмитрия Ростовского (они, как и все вообще тексты, написаны силлабическим стихом),³ две переведены с польского. Это — «Имам аз своего Иисуса моего» (13 списков) с рядом полонизмов. Любопытно, что в нескольких песенниках их польский текст передан русскими буквами («А мам ця тего Езуса милего») — это источник переработки Дмитрия. Песня «Превзыдох меру, о мой крепкий боже (9 списков) нередко сопровождается текстом польского ее оригинала «Преблязем мяре, ах мой моцны боже». Есть и другое ее переложение — «Преступих закон, о мой крепкий боже», автор которого пока не установлен.

Как известно, Симеон Полоцкий в предисловии к «Рифмотворной псалтыри» писал,⁴ что в Москве пели псалмы по-польски, иногда даже не понимая их содержания. Это подтверждается наличием в песенниках XVII в. транслитерованных псалмов Яна Кохановского (псалмы 27, 31, 42, 48, 54, 58, 78, 90, 126, 136, 141). В Москве бытовали и другие, несколько «обрусевшие» переложения псалмов с польского — 10-го и 70-го («На господу уповах» и «На тя, господи, всегда уповах»).

Кроме псалмов, встречаются тексты песен других жанров, например польский «гейнал» — песни ночной стражи, о которых в Польше упоми-

¹ Наиболее интересны: ГИМ, Муз. 1743 и 1938; ГПБ, Погод. 1974 (все — начала 80-х годов); ГПБ, Погод. 426 (середины 80-х годов); ГИМ, Худ. 126^а (конца 80-х — начала 90-х годов); ГПБ, Q. XIV. 25 и Титов. 4172 (90-х годов); ГБЛ, Муз. 9498 (начала XVIII в.).

² А. В. Позднеев. Рукописные песенники XVII—XVIII вв. — Ученые записки Московского гос. заочного педагогич. института, т. I, М., 1958, стр. 14.

³ В рукописных песенниках находятся только книжные песни; виршей (стихотворений) в них, естественно, нет.

⁴ Рифмотворная псалтырь Симеона Полоцкого. М., 1680, стр. 5—6.

нается с XV в. Позже они связываются с культом девы Марии и доживают чуть ли не до XIX в. Песня «Гейнал вшищи заспеваймы» (ГПБ, Погод. 1974, № 100), очевидно, является переработкой «гейнала», сочиненного поэтом начала XVII в. Станиславом Серафимом Ягодзиньским,⁵ с учетом работы позднейших анонимных продолжателей. Гейнал — это уже полусветский жанр.

Светских песен в рукописных песенниках XVII в. всего лишь 20. Моралистические песни «Вышли лета щастливые» (2 списка, в том числе ГПБ, Q.XIV.25 № 214) и «Святая дева, мати убежденных» (9 списков, в том числе ГИМ, Муз. 1743 № 223) — с многочисленными полонизмами, но уже подвергшиеся частичной русификации — рисуют бедственное положение Польши, раздираемой междоусобиями, борьбой партий и групп на сеймах. Те же мотивы звучат и в песнях «Радостны лузи при густой купине» («Псалом на Польшу», 4 списка, в том числе ГИМ, Муз. 1743 № 210)⁶ и «Боже ласкавый, прзими плач крзавый» (9 списков, в том числе ГИМ, 1743, № 323). Последняя, с идеей польского мессианизма, судя по обращению к богу — «Пане мощны гетман», перешла в Россию через Украину. Из панегирических песен ряд полонизмов содержит песня «Злый татарине, пекельный сыне» (7 списков, в том числе ГИМ, 1743, № 92),⁷ известная по украинским песенникам. Она повествует о нападении татар и характеризуется редким строфическим рисунком 10+10+5+5+8.

Из польских песен на светские темы обращают на себя внимание песни «Слухайте вшищи, яко бог ласкавый» (ГПБ, Погод. 1974, № 84 — конец текста утрачен), посвященная победе поляков над турками под Хотинном (1673 г.); «Злота ойчизна ксенства литевского» (там же, № 65); «Вы, буйны вятры, шумионцы лясы» (там же, № 37). Любопытна с точки зрения художественной песня «Любо кеды злоты Фебус выника з моря, Любо кеды злосветня крые се зоря» (7 списков, в том числе ГИМ, Муз. 1743 № 123), построенная по схеме 13+13+(6+6)+14. Песня эта была несколько позже переведена на русский язык, причем в переводе была соблюдена строфико-метрическая форма и использованы те же принципы инструментовки: «Аще когда солнце восходит от моря, Или когда златовидна заходит зоря» (6 списков, в том числе ГИМ, Хлуд. 126^а № 8).

Зайствованные из Польши духовные песни можно условно подразделить на две группы — гимнологические и покаянные. Характерно, что богоматери и рождеству посвящено больше книжных песен, чем спасителю и празднику воскресенья: для католической среды это вполне естественно. В России польские духовные песни претерпевали сложный процесс изменений фонетического, лексического и морфологического характера. Проиллюстрируем это на примере постепенной русификации польской песни «Гвяздо яснощи».

1. ГИМ, Муз. 1743 № 50 (нач. 80-х годов):

Кгвяздо яснощи, панно чистосци,
Ты еси вонны квят!
Слична лиляя, панно Мария,
Модл се за нами.

⁵ Cz. Hejnały polskie. Wrocław, 1961, стр. 70—75 и 212—215.

⁶ Ср.: Киевская старина, 1890, № 8, стр. 21 (статья В. Н. Перетца).

⁷ См.: Записки наук. т-ва ім. Шевченко, т. 101, кн. 1, Львів, 1911, стр. 130.

2. ГИМ, Муз. 1938 № 128 (начало 80-х годов):

Гвяздо ясности, дево чистосци,
Ты еси вонны цвет!
Слична лиляя, панна Мария,
Моль сие за нами.

3. ГПБ, Погод. 426, № 87 (конец 80-х годов):

Гвяздо ясности, дево чистости,
Ты еси вонны квят!
Слична лиляя, дево Мария,
Молься за нас!

4. ГИМ, Хлуд. 120^а № 41 (около 1690 г.):

Звездо светлости, дево чистости,
Ты еси вонны крин!
Красный цвет дево мати Мария,
Молися за нас!

К барочным песням, для которых характерна повышенная эмоциональность, относятся следующие, заимствованные с Украины и Польши: «А кто, кто Николая любит?» (ГБЛ, Муз. 9498, № 247);⁸ «Ангел с небесе Радость принесе» (ГБЛ, Муз. 9498 № 240); «Предвечный родися под леты» (3 списка, в том числе ГИМ, Цук. 61, № 84); «Новый год бежит Во яслех лежит — А хто, хто?» (11 списков, в том числе ГИМ, Муз. 1743 № 132); «Посмотри ж ты, человеце, Что ся в мире деет?» (8 списков, в том числе ГИМ, Муз. 1743, № 177—178); «Ныне бога на Иордан Плотию приходит» (8 списков, в том числе ГИМ, Муз. 1743 №№ 135 и 138); «Пастыри мили, Где вы днесь были?»; «Не плач, Рахили, Зря чада цѣлы»;⁹ «Уступуй ноци: Светлость у очи Засветила» (7 списков, в том числе ГПБ Погод. 1974 № 67); «Дитятко се народило» (ср. «Дзись он-косу народило», 11 списков, в том числе ГБЛ Муз. 10 944 № 5). Интересна песня «Мессия прииде в мир истинный» («Мессияш пришед на свят правдивы» — 13 списков, в том числе ГИМ Муз. 10.944 № 5)¹⁰ на популярную тему о браке в Кане Галилейской, с припевом «Се вино, вино, вино, Лучше неже впрעד было», сложенная редким размером (5+5) + (5+5) + 7+7+6 с 5-м нерифмующимся стихом. Можно думать, что эта песня являлась зародышем застольных в рамках духовных песен.

На Русь в XVII в. переходили как гимнологические, так и покаянные песни. В них встречались и другие сложные формы, как например: 9+9+7+7+3 («Предвечный родися под леты»), 7+7+5+5+6 («Иисусе, царю веков»), (5+5)+9+(5+5)+9 («Мати благая и пресвятая») и др.

Остановимся, наконец, на песне о Казаке и Кулине, наиболее сохранный текст которой читается в песеннике ГИМ, Муз. 3973 № 144 (или № 66 во второй тетради) 1740-х годов (со ста стихами, разделенными на 12 строф). Она была напечатана в 1625 г. в Польше Дзвонковским, а в конце XIX и в XX вв. изучалась рядом польских, украинских и русских ученых. Существовали различные решения вопроса, кем сложена эта песня: поляком, русским или украинцем. Нам кажется справедливым последнее предположение.¹¹ Но наличие ряда полонизмов в варианте

⁸ Ср.: П. А. Бессонов. Калики перехожие, вып. 3. М., 1862, № 189.

⁹ Там же, вып. 4. М., 1863, №№ 233, 296, 303, 309, 336, 286 и 310.

¹⁰ Там же, № 340.

¹¹ См.: А. Позднейев. Z historii zwiazków polsko-russkich. Pieśń o Kazakie i Kulinie. — Slavia orientalis, t. XII, № 4, 1963.

1740-х годов дает основание предполагать, что она проникла на Русь через Польшу, а затем перешла в русский фольклор.¹² В рукописи ГИМ, Муз. 1938 № 171 помещена песня «О, злострадна душе моя» (9 списков) — своеобразный перифраз песни о Казаке и Кулине. В ней также имеется ряд полонизмов (ктора, бых ся, отперл и др.), почему можно предположить, что она с Украины перешла в Польшу, а затем была усвоена в Москве.

Судя по рукописным песенникам, польское влияние имело место с 1670-х годов. Далее это влияние идет на убыль, сменяясь с начала XVIII в. украинским.

¹² См.: Отечественные записки, 1860, VII, стр. 190; Песни, собр. П. В. Киреевским, новая серия, вып. 2, ч. 2, М., 1929, стр. 90; Великорусские народные песни, изд. А. И. Соболевского, т. VII, СПб., 1902, стр. 72; Русские частушки. М., 1956, стр. 191.